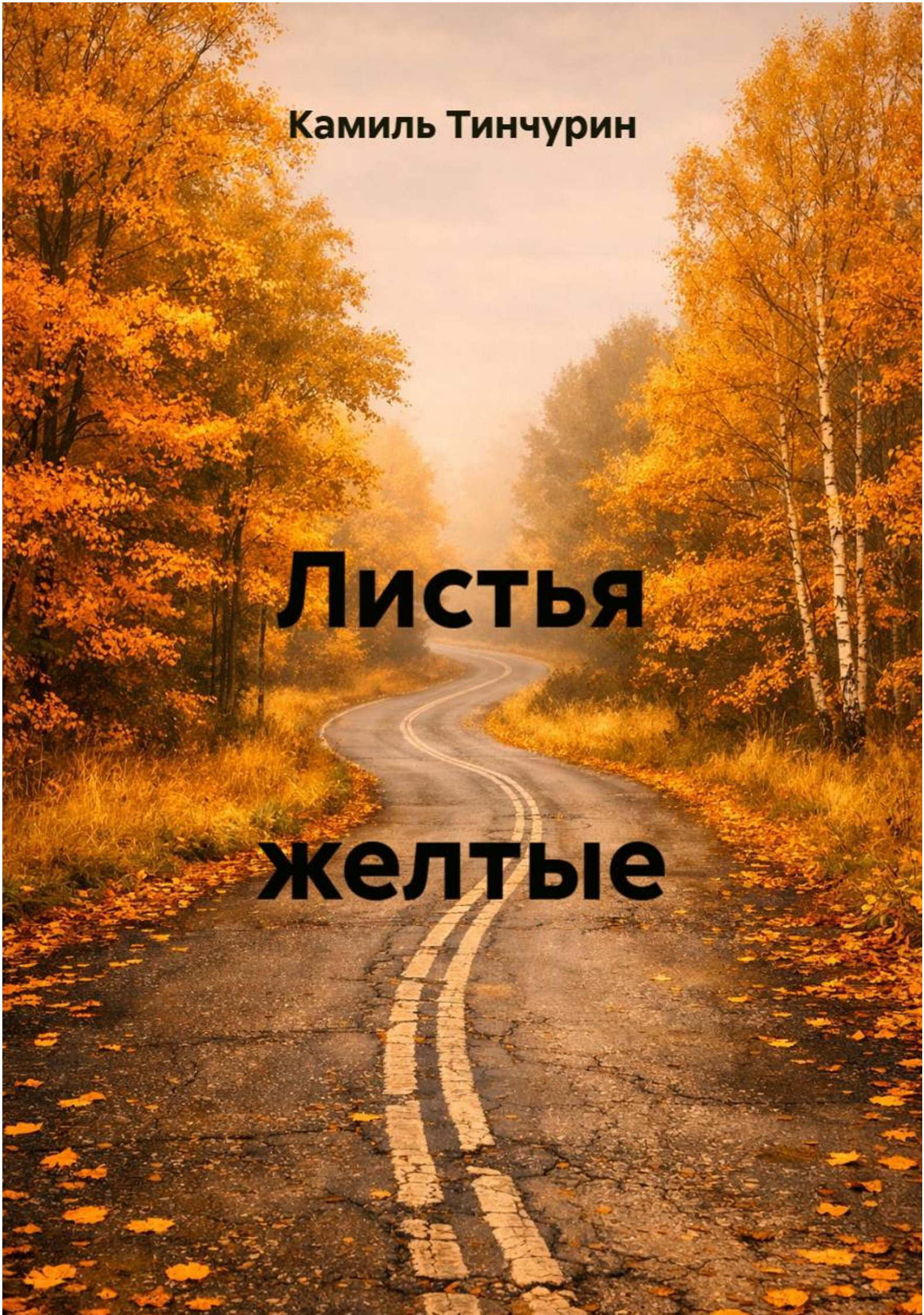

Камиль Тинчурин
Листья
желтые

Камиль Тинчурин

Листья желтые

«Автор»
2026

Тинчурин К.

Листья желтые / К. Тинчурин — «Автор», 2026

Светлая и мудрая история о том, как важно вовремя остановиться и принять ход времени. Пытаясь удержать уходящую молодость, женщина отчаянно воюет с календарем и прячется от одиночества в шумном городе. Но однажды в ее жизнь беззвучно приходит первая чистая зима, укрывая улицы белым покровом. Книга написана особенным, текучим языком без лишних черточек и знаков. Это плавный, убаюкивающий рассказ о великом покое, который ждет душу в конце долгой и красивой жизненной прогулки.

© Тинчурин К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Янтарный шлейф июля 5
Королевский прием 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Камиль Тинчурин
Листья желтые

Янтарный шлейф июля

Лето в далекой, теперь уже почти растаявшей в мареве памяти жизни Маргариты тянулось тогда бесконечным янтарным шлейфом великого золотого века. Это было не просто время года, это была ослепительная стихия, которая, казалось, навсегда застыла во времени вопреки всем известным законам физики и на зло неумолимой, цикличной природе. Теперь, спустя десятилетия, глядя назад сквозь мутную, покрытую патиной призму прожитых лет, вся ее ранняя молодость представлялась ей единым, затяжным, жарким и одновременно прекрасным сном. Сном, залитым плотным, осязаемым зноем раскаленного июля, когда воздух над асфальтом дрожит, словное жидкое стекло. Дневные часы тянулись тогда томительно долго, они буквально плавились на беспощадном солнцепеке, превращаясь для Маргариты и ее окружения в тягучую, сладкую, янтарную патоку. Время не текло, оно стояло густым сиропом, в котором застревали звуки и мимолетные мысли. Короткие, душные ночи не приносили желанного спасения, они дарили лишь легкую, едва заметную прохладу. Это ночная прохлада, словно робкое прикосновение шелка, едва касалась разгоряченной, пахнущей солнцем кожи Маргариты. Земля дышала накопленным за день теплом, и воздух пах густо и остро, прибитой первыми крупными каплями дождя сухой пылью, цветущими липами и тополиной смолой. В те далекие, по-настоящему благословенные годы само время текло по совершенно иным, ныне безвозвратно утерянным законам и неведомым, почти божественным правилам. Оно совершенно не напоминало узкую, прямую, размеченную столбиками дорожку, ведущую к неминуемому и печальному финалу старости и увядания. Маргарита не видела никаких дорог. Для нее тогда время казалось бескрайним, бушующим, искрящимся океаном, уходящим своими краями прямо в ультрамариновое небо, океаном, которому не было видно конца и края. За горизонтом дымился точно такой же знойный июль. Настенные и настольные календари в родительском доме, послушно отчитывающие чужие, скучные дни, существовали тогда для нее лишь как бесполезный, глупый и совершенно чуждый элемент интерьера. Это были просто бумажные прямоугольники, на которые никто из юных обитателей дома никогда не смотрел за полной ненадобностью. Зачем смотреть на цифры, если ты находишься внутри вечности? Время казалось неисчерпаемым, бьющим через край ресурсом, текущим из бесконечного ниоткуда в такое же бесконечное никуда. Даты, дни недели, сменяющиеся с тихим шорохом месяцы и пролетающие мимо годы не имели тогда для Маргариты никакого важного значения. Они были пустыми звуками. Впереди у нее и у всех участников этого вечного, шумного праздника жизни простиралась ослепительная, манящая вечность, не знающая зим. Каждое новое утро начиналось для нее не с банального, раздражающего слух звонка будильника, призывающего к обязательствам, а с глубокого, чистого физического предвкушения грандиозного события. Это волнующее чувство жило глубоко в груди, прямо под сердцем, и сладостно обещало, что буквально в следующую минуту, прямо на глазах девушки должно развернуться настоящее чудо. Настоящее, густое июльское тепло воспринималось Маргаритой как нечто естественное, данное раз и навсегда. Это было ее личное, неотъемлемое право на огромное, ничем не обусловленное счастье. Внутри нее жила вечная, первозданная сила и то самое пьянящее ощущение личного бессмертия, которое, пожалуй, бывает только в чистые, незамутненные двадцать лет. Каждое прожитое мгновение приносило твердую, непоколебимую уверенность в собственной исключительности и священном праве на весь этот огромный, лежащий у ее ног мир. Любые мысли о возможном увядании, болезнях или близкой кончине казались ей тогда неле-

пой, смешной фантазией, придуманной кем-то посторонним, другими, слабыми, уставшими людьми, которые просто не умели жить. Она существовала в состоянии постоянного, неослабевающего душевного подъема, когда окружающий мир чутко подстраивался под ее самые потаенные едва оформившиеся желания, то и дело открывая новые, манящие горизонты для творчества, безумной любви и бесконечного познания жизни. Человеческая память Маргариты до мельчайших подробностей, до тончайших оттенков запахов и полутонов сохранила тот прежний, хрупкий и драгоценный образ. Она бережно, словно величайшую святыню, уберегала от безжалостного забвения тонкую, быструю, постоянно смеющуюся девушку в воздушном ситцевом платье с ярким, крупным цветочным рисунком. Маргарита до сих пор отлично помнила себя той, как она бежала по раскаленному, полуденному зною старых городских улиц, едва касаясь подошвами легких туфель жесткой земли. Она не шла, она летела навстречу упругому, пахнущему выжженными степными травами и речной прохладой ветру, который дерзко путал ее длинные волосы и целовал лицо. Мир вокруг нее тогда не просто был ярким и огромным, он бурлил, пел, вибрировал и переливался миллионами ярких, сочных, неоновых оттенков. Весь этот большой, суетливый город казался Маргарите огромной театральной сценой, выстроенной исключительно для единственной главной зрительницы и актрисы в ее собственном лице. Пространство вокруг наполняли звуки открытых летних кафе, звон бьющего льда в стаканах и обрывки модных, ленивых джазовых тем, доносившихся из раскрытых настежь окон старых домов с высокими, лепными потолками. Непрерывный, ровный шум центральных фонтанов, дарящих водяную пыль, смешивался со звонкими, молодыми голосами счастливых прохожих, создавая единую, грандиозную симфонию юности. Эта юность проходила в тесном, спаянном кругу верных друзей, таких же бессмертных, талантливых и беспечных бунтарей, искренне веривших в свою особую, ни на кого не похожую миссию на этой земле. Молодежь постоянно собиралась на деревянных, нагретых солнцем скамейках в тихих зеленых дворах, где пахло старыми тополями, или с хохотом забиралась на плоские крыши старых зданий. Там, наверху, весь мир лежал перед ними как на ладони, крыши, купола, нити трамвайных путей. Они спорили о новой поэзии и модной философии до хрипоты, до крика, выдавая свои мимолетные, утренние мысли за непреложные, вечные истины. Они лениво пили шипучий, колючий прохладный лимонад из мокнущих бумажных стаканчиков на набережной большой реки и встречали нежно розовые, долгие рассветы. Река лениво ворочалась во сне, подернутая полупрозрачным предрассветным туманом, а они сидели на теплом, шершавом граните парапета, совершенно забыв про всякую необходимость идти на скучную работу или душные, не нужные им лекции. Время замерло, и эта долгая, красивая прогулка только начиналась. Каждая мелочь того незамысловатого, но такого наполненного быта была пропитана хмельной, ничем не стесненной свободой. Маргарита помнила эту свободу на вкус, как вкус быстро подтаявшего, сладкого сливочного мороженого в хрустящем вафельном стаканчике, которое приходилось слизывать с ладоней под заливистый хохот друзей. Свобода была и на ощупь, как шероховатость старых гранитных парапетов, хранивших дневной зной до самой глубокой ночи. Эта свобода кружила голову, словно молодое вино, и заставляла девичье сердце биться в сумасшедшем, восторженном ритме. Ей казалось, что она едва вмещает этот бушующий поток жизни. Случайные прохожие на оживленных улицах невольно оборачивались ей вслед, замедляя шаг. Мужчины замирали в нескрываемом, немом восхищении, провожая взглядом эту юную, летящую стихию, окутанную облаком ситца и запахом речной прохлады. Ей казалось тогда, что эти живые, сочные листья на деревьях никогда не опадут, не пожелтеют и не превратятся в прах, а музыка этого счастливого лета будет звучать вечно, наполняя осязаемым смыслом каждый прожитый день. Совершенно незнакомые мужчины, поддавшись этому импульсу вечной юности, дарили ей цветы прямо на улице, без всякого видимого повода, без навязчивого желания познакомиться, а просто за одну только ее мимолетную, сияющую улыбку, за один случайный, теплый и открытый взгляд. Маргарита принимала это искреннее поклонение легко и есте-

ственно, как должное. В этом не было ни капли высокомерия, эгоизма или пустой гордости, в поведение окружающих ее людей проявлялась лишь чистая, первозданная, ликующая природа самой молодости, которая узнавала себя в других. Она внутренне чувствовала свою безграничную, абсолютную власть над материальным миром, над серыми, унылыми буднями и даже над самой гравитацией. Ей казалось, что если она захочет, то сможет взлететь над мостовой, просто оттолкнувшись носками туфель. В двадцать и даже в тридцать лет любая, даже самая мимолетная мысль о старости воспринималась ею как нелепая, чужая, глубоко чуждая и бесконечно далекая сказка. Старость казалась Маргарите чем-то вымышленным, происходящим с другими, несуществующими персонажами из пыльных исторических книг, или ассоциировалась с вечно недовольными стариками на деревянных скамейках у чужих темных подъездов. Эта немощь и серость никак, ну абсолютно никак не могла быть связана с прекрасным, упругим и сильным телом молодой красавицы, которое буквально дышало звенящим здоровьем. Внутри этого тела круглосуточно, без перерывов на отдых, горел мощный внутренний жар, дарующий поразительную, почти птичью легкость на подъем. Этот жар заставлял кровь бежать быстрее по венам, окрашивая щеки румянцем после каждой бессонной ночи. Тогдашняя фантастическая способность не спать по двое суток подряд ради безумной, спонтанной поездки к далекому южному морю в душном общем вагоне казалась естественным, неотъемлемым свойством организма. При этом, возвращаясь, она умудрялась выглядеть свежей, сияющей, безупречной и готовой к новым, еще более безумным свершениям в любую минуту. Все эти щедрые, царские дары природы воспринимались Маргаритой как неотъемлемая, вечная константа ее существа, которая никогда не иссякнет, не померкнет и уж точно не потребует платы за использование. Слегка загорелая кожа, всегда пахнущая утренним солнцем, речной водой и простым цветочным мылом, казалась надежной, непробиваемой броней, защищающей от любых жизненных невзгод. Упрямица была искренне и глубоко убеждена, что эту броню не способны повредить или изменить никакие пролетающие мимо годы и десятилетия. Она верила, что этот внутренний июль останется с ней навсегда, до самого конца жизни. Наступающая иногда по календарю зима являлась в ее глазах лишь коротким, временным и довольно досадным недоразумением природы. Это белое безмолвие было неизбежно, но Маргарита знала, что оно очень быстро сменится буйной, сочной, липкой зеленой весной, возвращающей все на свои законные места. Жизнь шла взахлеб, жадно, огромными, широкими мазками, без малейшей попытки экономии чувств, душевных эмоций или физических сил. Маргарита щедро, не глядя, раздавала себя, свое драгоценное время и свое внимание направо и налево, совершенно не заботясь о завтрашнем дне, словно ее внутренний банк был бездонным. Она твердо верила в бесконечность и неисчерпаемость этого внутреннего источника, который никакие безумные растраты не смогут опустошить до самого дна. Беглянка из прошлого только весело смеялась над ворчливыми, осторожными, занудными советами старших родственников. Эти уставшие люди с тихими голосами просили ее поберечь здоровье, не ходить без теплой шапки в холодную погоду, ложиться спать вовремя и заранее, пока молодая, думать о будущем. Будущее казалось ей тогда фикцией, глупой выдумкой уставших пожилых людей, в то время как настоящее было столь ослепительно велико, осязаемо и наполнено звуками. Каждое мгновение приносило новую, непоколебимую уверенность в собственной исключительности. Эта уверенность заставляла двигаться вперед без оглядки на чужие авторитеты, правила и запреты. Все эти ограничения существовали для кого угодно другого, но только не для нее, избранницы этого вечного, сияющего лета. Она мерила стремительными шагами городские мостовые, и каждый ее шаг отзывался в сердце предвкушением чего-то огромного светлого и важного. Дни плавились от избытка планов, а ночи кружились в вихре разговоров под аккомпанемент полузабытых джазовых мелодий, льющихся из открытых окон. Юность казалась не временем года, а единственным возможным состоянием вселенной, где не существовало осени, увядания и седых волос. Всякая попытка остановить этот бег или задуматься о цене этой свободы каза-

лась кощунством, ведь молодость требовала движения и не терпела остановок. Мир кружился вокруг нее в безумном, счастливом танце, и она свято верила, что эта музыка никогда не смолкнет. Впереди была только бесконечная дорога, залитая полуденным солнцем, и ни одна тень не смела упасть на ее лицо. Это было время безудержного, упоительного расточительства, когда минуты бросали на ветер, как сухие осенние листья, не зная, не думая и не желая верить, что каждая из них, бесценна. Она дышала полной грудью, и в этом чистом, глубоком дыхании еще не было страха перед неизбежным финалом. Финалом, который, где-то там, в невообразимо далеком будущем, уже тихо, мягко и почти ласково подкрадывался со стороны пустеющих, прохладных осенних аллей. Но этот финал не пугал. Он ждал ее, как ждет теплый, родной дом в конце очень долгой, очень красивой и немного утомительной прогулки.

Королевский прием

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.